

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/nhoecv>

Эвфемизация концептуализированной области *смерть* в древнеанглийском языке

Лунина Софья Андреевна

Новосибирский государственный технический университет, Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 5601-2444

sof.mag.nstu@mail.ru

Аннотация: Несмотря на сохраняющийся интерес к явлению эвфемии, отсутствует достаточно развитая система классификации, приемлемая для исследования криптолалических эвфемизмов как таковых (не учитывается смежное положение данного понятия в терминологии эвфемии). Актуальность работы обуславливается тем, что древнеанглийские тексты являются единицами передачи (культурный аспект) в их связи с эвфемизацией смерти в письменной речи (языковой аспект), что представляет закономерный интерес для семиотического исследования взаимосвязи культуры и языка, дает возможность использовать собственно языковые темы для интерпретации культурных феноменов и наоборот. Цель – проанализировать концептуализированную область *смерть* в древнеанглийском языке на основе изучения лексем-эвфемизмов. Выборка текстов охватывает период VII–XII вв. древнеанглийской письменности и представлена репрезентациями толкового англосаксонского словаря Bosworth-Toller Dictionary. Применены лексикографический метод, концептуальный анализ, семантический анализ (семасиологический и ономасиологический аспекты изучения эвфемизмов), классификация и систематизация. Новизна исследования состоит в предложении и обосновании понятия криптолалического эвфемизма как частного термина на пересечении эвфемизмов-табу и криптолалии. Впервые определены микромотивы общей темы смерти и умирания, представленные в древнеанглийских текстах, в соответствии с семасиологической и ономасиологической принадлежностью лексем: смерть как путь; смерть как разделение двух сущностей; смерть как отдых; смерть как манифестация судьбы; смерть как форма жизни; смерть как движение вниз; смерть как точка во времени и пространстве. Выявлены рамки концептуализированной области *смерть*, проведен лексикографический, концептуальный и семиотический анализ отобранных лексем-эвфемизмов, определены принципы и способы эвфемизации явления смерти. В выборке исследуемых текстов наибольшее распространение получает микромотив *смерть как путь*, лексемы-эвфемизмы которого являются словообразовательными заменами и носят преимущественно дескриптивный характер.

Ключевые слова: эвфемизм, табу, табуизм, криптолалия, криптолалический эвфемизм, концепт, концептуализированная область, смерть, семантика

Цитирование: Лунина С. А. Эвфемизация концептуализированной области *смерть* в древнеанглийском языке. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 34–48. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-34-48>

Поступила в редакцию 08.07.2024. Принята после рецензирования 14.10.2024. Принята в печать 21.10.2024.

full article

Euphemization of *Death* Conceptual Domain in Old English

Sofya A. Lunina

Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 5601-2444

sof.mag.nstu@mail.ru

Abstract: Euphemisation is a popular research topic in linguistics. However, no reliable classification has appeared for the study of cryptolalic euphemisms because the adjacent position of this concept in the terminology of euphemisms remains understudied. Old English texts are vessels of cultural transmission in the linguistic aspect of death euphemization via written speech. In this regard, they seem to be a promising material for the semiotics of culture- language relations, which makes it possible to use linguistics to interpret cultural phenomena and vice versa. The research objective was to analyze the conceptual domain of *death* in Old English based on euphemistic lexemes. The samples were obtained from the explanatory Anglo-Saxon Bosworth-Toller Dictionary that covers the period of VII–XII centuries. The materials were subjected to the lexicographic method, conceptual analysis, semantic analysis (semasiology and onomasiology of euphemisms), classification, and systematization. The article introduces *cryptolalic euphemism* as a term at the intersection of taboo euphemisms and cryptolalia. The research revealed a number of micro-motives of death and dying in Old English. In line with the semasiological and onomasiological affiliation of the lexemes, death was represented as a path, as two entities separated, as a rest, as a manifestation of fate, as a form of life, as a downward movement, and as a point in time and space. The author identified the framework of the conceptual domain of death by a lexicographic, conceptual, and semiotic analysis of the euphemisms, as well as outlined the principles and methods of euphemization for the phenomenon of death in Old English. Death as a path appeared to be the most popular micro-motive, its euphemisms being word-formation replacements of mostly descriptive nature.

Keywords: euphemism, taboo, tabooism, cryptolalia, cryptolalic euphemism, concept, conceptualized domain, death, semantics

Citation: Lunina S. A. Euphemization of *Death* Conceptual Domain in Old English. *SibScript*, 2025, 27(1): 34–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-34-48>

Received 8 Jul 2024. Accepted after peer review 14 Oct 2024. Accepted for publication 21 Oct 2024.

Введение

Множество лексем определенной концептуализированной области выступают объектом научного интереса как упорядочение ключевой лексики в виде смысловой системы представлений. Концепты – это абстрактные значения, которые представляют слова и другие лингвистические элементы. В современной лингвистике считается, что все языки способны выражать одни и те же концепты, хотя некоторые языки могут иметь меньше названий для ряда концептов, чем другие; также сами концепты одного и того же понятия могут выражаться по-разному в зависимости от изучаемого языка. Формирование концептов лежит в основе человеческого мышления и общения. Картина мира, будучи системой концептов, – не простая совокупность «фотографий» предметов, процессов, свойств и т.д., поскольку она включает в себя не только отражаемые предметы, но и положение отражающего субъекта,

его отношение к этим предметам и поведение субъекта [Mukhtorova 2023].

В свою очередь, концептуализированная область определяется как совокупность таких областей или сфер культуры, где слова, вещи, ритуалы объединяются, синонимизируются в некотором общем представлении (концепте) [Проскурин, Комкова 2017: 146]. Эти области создаются так называемыми смешанными эволюционными рядами, т.е. такими совокупностями представлений, которые допускают интерпретацию на уровне как чистого концепта, так и чисто материального концепта [Степанов, Проскурин 1993: 14]. Концептуализированную область *смерть* в рамках данной статьи мы предлагаем рассмотреть именно как пример такого ряда. Выбор данной области для лингвистического исследования обусловлен тем, что явление человеческой смерти неизбежно

порождает вопрос: как смерть концептуально связана с нашей сущностью и идентичностью как человеческой личности? Смерть является «морально важным маркером», а потому не представляет собой исключительно онтологический или естественно-научный интерес [DeGrazia 2007].

Изучать смерть означает «неизбежно изучать и саму жизнь», потрясения, вызываемые смертью, играют роль увеличительного стекла для самых глубоких переживаний культуры [Thompson 2012: 7]. В академических исследованиях наблюдается значительный перевес в изучении именно смерти, нежели не менее важного этапа жизни человека – рождения [Hennessey 2017]. Интерпретация концептов (и концепта *смерть*, в частности) при этом может отличаться не только между разными народностями, но и внутри одной конкретной культуры. Так, эти интерпретации могут согласовываться друг с другом, не иметь четкой взаимосвязи либо же полностью исключать друг друга. Например, христианский концепт *чистилище* (*Purgatory*) получил развитие лишь с приходом к власти Папы Римского Иннокентия III в период 1198–1216 гг.; в поздний англосаксонский период неоднозначную позицию занимали и такие религиозные акты, как заступническая молитва, захоронение тела, положение души человека перед Судным днем и т.д. [Kabir 2001: 3]. Явление смерти находится на пересечении языковой и культурной тем и занимает поистине важную нишу в понимании закономерностей развития культур. Взаимосвязи между языковой темой (например, морфологические явления определенного эволюционного ряда) и культурной темой (например, идея рода) предоставляют возможность использовать собственно языковые темы для интерпретации культурных феноменов и наоборот [Степанов, Проскурин 1993: 15].

Эвфемизмам посвящено множество работ и в конкретных областях гуманитарных наук, и в междисциплинарных сферах. В зарубежных исследованиях особое внимание уделяется остросоциальным вопросам эвфемизации в сфере медицины и этнических / расовых конфликтов [Лунина 2024: 205]. Эвфемия активно исследуется как в синхронии, так и в историческом контексте. На данный момент эвфемия имеет крайне высокую степень разработки: в рамках социологии как составляющая часть медицинской этики; в этнических и расовых исследованиях (эвфемизация и слюры); в сфере политического дискурса; при исследовании архаичных традиций племенных народов.

Процесс эвфемизации тесно связан с самой номинацией, которая является одним из фундаментальных

процессов речевой деятельности наряду с предикацией и оценкой [Куликова, Саватеева 2008]. Помимо этого, исследовательский интерес к семантике умирания в древнеанглийском языке закономерен, т.к. в данном направлении возможно образование множества концептуальных решений. Эта возможность обусловлена тем фактом, что для древнеанглийской культуры не существует единого концепта загробного мира, общего для многих индоевропейских народностей [Степанов, Проскурин 1993: 17]. Итак, изучение способов и принципов эвфемизации именно на примере письменных источников позволяет нам судить о данном феномене в контексте передачи, иными словами, наблюдать «историю смены картины мира», анализировать изменения в форме коллективной памяти [Проскурин, Проскурина 2017: 10]. Этим положением обуславливается актуальность представленного исследования.

Цель – проанализировать концептуализированную область *смерть* в древнеанглийском языке. Задачи работы включают следующие аспекты изучения лексем-эвфемизмов:

- определение роли эвфемизации концептуализированной области *смерть* в изучении древнеанглийских лексем;
- уточнение и расширение терминологии эвфемии на основании характера контрагента коммуникации;
- анализ лексем с выделением общих тематических микромотивов на основании когнитивной метафоры;
- классификация древнеанглийских эвфемизмов в спектре концептуализации (принадлежность к чистому, материальному или смешанному концепту);
- классификация древнеанглийских эвфемизмов в семасиологическом и ономазиологическом аспектах (анализ оценочности и способов образования лексем);
- выявление семантических особенностей лексем-эвфемизмов древнеанглийского периода.

Рассуждая о смерти как концептуализированной области, следует обратиться к понятию *контекстуальный микромотив*, предложенному С. Г. Проскуриным, под которым понимается множество высказываний, построенных по общим правилам и объединяемых на основании единой культурной темы. Сама базовая семантика по отношению к микромотивам является организующим принципом, поскольку предстает эквивалентной понятию *тема*

[Проскурин, Проскурина 2017: 86]. В рамках данного исследования организующим признаком является сама тема смерти как явление объективной реальности. В то же время эвфемистические замены, представленные в словаре, являются множеством лексем, объединенных под данной культурной темой.

Обратимся к смерти как табуированной языковой единице, требующей эвфемизации. Эвфемизмы – это слова и выражения, служащие непрямым номинацией явления или предмета для более полного достижения целей высказывания, обладающие семантической неопределенностью или низким уровнем конкретности смыслового наполнения языковой единицы [Потапова 2009: 24]. Мы исходим из положения, что эвфемизмы являются знаками культуры и языка [Орлова 2022], их исследование позволяет «проникнуть в мир иной культуры, увидеть этот мир через призму национально-культурных особенностей ее народа: реалий его прошлого и настоящего, а также его духовных и моральных ценностей» [Миронина 2010: 88]. Эвфемизмы наряду с загадками являются составляющей кодирования культурно-маркированных тем, подлежащих непрямому именованию [Орлова 2021]. В частности, это относится к темам, требующим особого кодирования (табуирования). Табуированная лексика связана со стигматизацией (как для адресанта, так и для адресата). Несоблюдение установленных запретов может привести к целому ряду последствий: от «потери лица» до исключения из общественной деятельности и телесных наказаний [Allan, Burridge 1991]. Зачастую эти темы связаны с уникальным для индивидуальной и коллективной психики опытом рождения и смерти, с интимной сферой межличностного общения, частным примером которой является брак.

Как и любой эвфемизм, непрямая номинация умирания прежде всего характеризуется диффузной семантикой, т. е. недоопределенностью содержания языковых знаков различного уровня (морфем, лексем, словосочетаний, предложений, текстов), размытым характером границ между значениями и их категориями в семантической системе языка и в языковой коммуникации [Kiklewicz 2007: 302]. Семантика умолчания представляет собой функционально-семантическую категорию, она имеет объективно-субъективную природу, преимущественно интерпретационный, а не отражательный характер [Иванян 2015]. С. И. Романов определяет эвфемистическую замену как квазисиноним, а отношения эвфемизма и лексического синонима – как эквиполентные, поскольку эвфемизмы не всегда проявляют свойства синонимов

[Романов 2021: 7]. Е. А. Уварова также приходит к выводу, что эвфемизация речи тесно связана с синонимическими и антонимическими отношениями, т. к. для образования эвфемизма необходимо наличие в денотатах исходного и новообразованного слова одинаковых, синонимичных или антонимичных сем [Уварова 2010: 459]. В анализе эвфемистических конструкций важно учитывать отношение участника коммуникации к описываемому концепту, поскольку «концепт не только мыслится, но и переживается» [Степанов 2004: 43]. Отмечается, что хотя эвфемизм функционирует как совокупность денотативного и коннотативного аспектов, ведущая роль в его значении принадлежит именно коннотации, прежде всего ее оценочному компоненту [Уварова 2010: 460]. В этой связи необходимо уточнение особенностей переживания концепта *смерть* древнеанглийским автором и современным человеком с точки зрения психологического аспекта: если в настоящее время смерть эвфемизируется из соображений деликатности, вежливости или сострадания, то в древних культурах языковой запрет являлся способом выражения табу – страха перед демоническими силами [Куницына 2013: 110]. Такой страх находит свое закономерное выражение в криптолалии.

Криптолалия (*тайное речение*) призвана скрыть содержание сообщения от третьих лиц – контрагентов. Одним из наиболее ранних примеров криптолалии, согласно Э. Г. Куликовой и Л. В. Саватеевой, можно считать описательное именование некоторых сакральных животных, например медведя германскими народами: *bero, bar, Beowulf* [Куликова, Саватеева 2008]. Примечательно, что и само слово *охота* является лексемой с косвенной номинацией: в древнерусском языке изначальным денотатом являлось слово *ловля*, а изначальное значение слова *охота* переводилось как *желание* [Кудряшова 2015: 14]. В представлениях первобытных людей истинные имена в речи могли навлечь беду, что привело к потребности в непрямои номинации табуированного денотата. В ряде языков, например в современном алтайском, криптолалическому сокрытию подлежат охотничье-промысловый и женский лексиконы, имена старших в семье, а также ряд критических моментов жизни человека (рождение, беременность, болезни, смерть) [Яимова 1990: 3]. Криптолалия присутствует и в современном мире: зашифрованная речь военных, заключенных, засекреченное общение медицинских сотрудников, желающих скрыть предмет разговора от пациентов, и т. п. При этом различие эвфемии и криптолалии

не заключается исключительно в собственно лингвистических признаках; разграничение этих понятий происходит на основании ряда особенностей коммуникации и коммуникативной ситуации. К примеру, медицинский термин *педикулез* будет являться эвфемистической заменой слова *вшивость* в том случае, если пациент осведомлен о значении диагноза. В то же время эта же лексема служит криптолалической заменой в ситуации, если в момент коммуникации присутствует третья сторона, а сам пациент не знаком со смыслом данной замены [Куликова 2016: 115].

Сами эвфемизмы, хотя и обладают схожей структурой и общей частной задачей (сокрыть нежелательный денотат), имеют, однако, другие цели. Для собственно эвфемизма (настоящего эвфемизма) эта цель носит коммуникативный характер – смягчение негативного компонента денотата, но при этом сохранение исходного его смысла. Криптолалический эвфемизм подразумевает наличие контрагента в коммуникативной ситуации, поэтому его цель – иносказание с целью шифра (при этом говорящий стремится именно к тайному иносказанию, что не подразумевает смягчения как такового). Сравним: 1) настоящий эвфемизм: *unemployed* (денотат) – *in transition, between jobs, job-seeker* (сигнификаты); 2) криптолалический эвфемизм: *God* (денотат) – *Father in heaven, Almighty, Lord* (сигнификаты). Табуированность изначального понятия присуща для обоих примеров, тем не менее мотивы сокрытия денотата неидентичны. В первом случае наблюдается явное смягчение и даже облагораживание образа безработного человека путем акцентирования внимания на положительной ассоциации *работа, трудящийся гражданин* и использовании пространственных формулировок, передающих ощущение движения, прогресса. Этот и подобные ему эвфемизмы допустимы как в обращении к человеку напрямую, так и косвенно, в его отсутствие. Во втором случае иносказание имеет целью избежание употребления имени высшей силы *всё*, говорящий хочет избежать последствий от упоминания сверхъестественных сил, т. е. такой эвфемизм принципиально исключает третье лицо из коммуникации.

По своим структуре и функциям криптолалические эвфемизмы наиболее близки к эвфемизмам-табу. Понятие табуизма охватывает достаточно широкий спектр запрещенных к произношению или печати слов, в который включают табуизмы в именах, религиозные табуизмы, ненормативную лексику (маты), социально-политические табуизмы, а также так называемые игровые табуизмы в метаязыковых диалоговых

конструкциях. Однако, в отличие от криптолалических эвфемизмов, можно наблюдать различия в характере контрагента. Например, юмористическое стихотворное обыгрывание табуизмов в речевом фольклоре, где нормативность носит условно-запретительный характер. Особенно актуальны такие взаимодействия среди детей (условность запрета – сильный раздражитель для игровой атаки со стороны автора игрового речевого произведения) [Голев 2005: 196]. С. И. Романов, основываясь на сценариях речевого акта, разграничивает собственно эвфемизмы, эвфемизмы-обереги и юмористические эвфемизмы [Романов 2021: 8].

Окказиональные табу встречаются и в современных социальных сетях, где контрагентом выступает политика той или иной площадки для общения. Так, в обсуждениях, посвященных табуированной теме суицида (особенно среди молодых людей), большое распространение получила аббревиатура РКН, означающая самоубийство (*совершить РКН*). Изначально данное выражение расшифровывается как название федеральной службы по надзору в сфере информационных технологий – Роскомнадзор (РКН), чья строгая политика цензуры (достаточно иронично) и стала причиной появления данной замены. Аналогичной популярной заменой для англоязычного сегмента интернет-СМИ является лексема *to unalive (somebody or oneself)*. Окказиональная эвфемизация табуизмов происходит и на фонетическом уровне: во избежание ограничений цензуры автор ролика, обращаясь к табуированной теме педофилии, в субтитрах выбирает составное выражение *peddle-files*.

Прямой номинации избегают не только остросоциальные явления, но даже имена собственные, что, как могло показаться на первый взгляд, свойственно исключительно первобытным и архаичным сообществам. Любопытен в таком случае мотив табуирования. Например, в одном из англоязычных подкастов ведущая, критикующая неблагодарность и высокомерие в отношениях, намеренно называет партнера знаменитой спортсменки Симоны Байлз как *Мистер Симона Байлз (Mr. Simone Biles)*. Такое замещение отражает значимость фигуры женщины, благодаря которой знаменитость перешла и к ее партнеру; замена эта также обусловлена нежеланием подпитывать славу человека, который, по мнению ведущей, не достоин упоминания своего настоящего имени. Подобные табу могут иметь и чисто прагматическую функцию: упоминание имени противоречивой личности в социальных сетях нередко приводит к нежелательным конфликтам. Табуированное понятие к тому же не всегда подразумевает

появление замещающего иносказания. К примеру, слово *джаз* являлось табуизмом в период СССР середины прошлого столетия, контрагентом здесь выступали конкретные цензоры, однако само слово не пропало ни из печати, ни из устной речи, напротив, достаточно парадоксально, к данному табуированному понятию неоднократно обращались, как правило, в негативном контексте. Само же название музыкального жанра не приобрело никакой вторичной номинации, несмотря на жесткую табуированность.

Таким образом, исходя из факторов появления табуизмов, мы можем определить место и функции криптолалических эвфемизмов в языке. Криптолалическая эвфемия находится на пересечении эвфемизмов-табу и криптолалии и подразумевает наличие следующих обязательных признаков:

- 1) конкретный (не условный) сакральный характер контрагента, будь то имя бога, болезни, смерти или дикого животного, и конкретные последствия от несоблюдения табу;
- 2) фактическое избегание истинного именования как следствие табуизации (рис.).

Необходимость выделения криптолалических эвфемизмов в категорию отдельного термина мы обуславливаем следующими причинами. Во-первых, далеко не всякое криптолалическое высказывание взаимодействует с табуизмом (например, зашифрованная коммуникация спецслужб никак не связана с избеганием табуированных или сакральных тем). Во-вторых, эвфемизмы-табу в широком понимании не исключают участников из коммуникации (как это наблюдается при криптолалии): так, значения

некоторых медицинских эвфемизмов без затруднений считаются в общении (эвфемизм *special kid* – о детях с трудностями умственного развития). Данное терминологическое уточнение поможет внести вклад в современную проблему определения эвфемизма, обусловленную смешением эвфемизмов с другими видами перефразирования, недостатком релевантных критериев идентификации эвфемизмов, несовпадением экспликации эвфемизмов в отечественной и зарубежной лексикографической практике [Пестова, Кагилева 2013: 93].

Криптолалические эвфемизмы как частную вариацию эвфемии в целом мы вслед за С. И. Романовым [Романов 2021] предлагаем рассматривать в двух аспектах. Во-первых, говоря об эвфемии как о ярком примере вторичной номинации, мы обращаемся к семиотическому подходу, чей принцип выражен в обязательной двуименности табуированного предмета (явления). При эвфемизации идет замена и чередование имен, что, однако, нетождественно переименовыванию предмета. Во-вторых, семантический подход позволяет нам проанализировать эвфемистические замены в семасиологическом и ономасиологическом аспектах. Семасиологический аспект в рамках данного исследования подразумевает внимание к степени оценочности, эмотивности и коннотативности. В соответствии с этим условно выделим две группы эвфемизмов:

1. Оценочные. Эвфемизация обусловлена субъективной ментальной трансформацией (в центре – отношение говорящего к замещаемому понятию): слав. *си-мѣрть*, т. е. (предположительно) «своя смерть»,

Рис. Криптолалическая эвфемия как частный случай вторичной номинации
Fig. Cryptolalic euphemy as a special case of secondary nomination

«смерть, пришедшая изнутри» [Проскурина 2020: 120]; город Беневенто в Ирпинии (досл. добрый ветер, до этого носивший название *Малевент* – созвучно со *злой ветер*) [Марколонго 2023: 97]; алтайское слово, обозначающее корь, замещается словом *кеен* (красивый, красота) [Яимова 1990: 37]; *níd-gedál* – неизбежное, «нужное» разделение (смерть). Выделение данной категории эвфемизмов обуславливается тем, что оценка говорящим предмета или явления с точки зрения семантики, как правило «влечет за собой эмоциональное отношение, переживание» [Уварова 2010: 454].

2. Дескриптивные, или описательные. Эвфемизация направлена вовне, в объективную реальность говорящего независимо от его отношения к описываемому процессу или явлению: *Forféran* (досл. уйти вперед, уйти на восток, т.е. умереть), *Beowulf* – пчелиный волк (медведь), *Graham* – от *græg-háma = grey hame (серая шкура, т.е. волк), позже – gray-hame (серый хомут) [Шиппи 2023: 7], *Sáwolgedál* – разделение тела и души (смерть). То есть эвфемизмы данной группы лишены четкого компонента оценки говорящим.

Категорию оценочности мы находим актуальной для исследования особенностей древнеанглийских эвфемизмов умирания. Отмечается, что для древнеанглийской письменной культуры X–XI вв. было характерно наличие подобающего отношения к факту смерти в зависимости от возраста покойного. Такие семасиологические особенности наглядно видны в трех коннотациях: *bitera dēad* (горькая, скорбная смерть) – в описании смерти детей и младенцев; *ungeripode dēad* (незрелая смерть) – о смерти молодых людей; *ripe dēad* (зрелая смерть) – смерть старых людей [Thompson 2012: 10].

Ономасиологический аспект раскрывает способы образования эвфемизмов. Внутренняя форма эвфемизма определяет его функционально-семантическую сущность. Образование древнеанглийских эвфемизмов целесообразно описать в рамках следующих трех способов:

- 1) узуальная замена (*legere* – досл. лежание, т.е. умирание);
- 2) словообразовательная замена (*Forféran om forþ* – вперед, *farán* – идти, путешествовать);
- 3) концептуальная замена (*slaepan* = уснуть (т.е. умереть), замена концепта *смерть* концептом *сон*).

Методы и материалы

В исследовании использовались лексикографический метод, концептуальный анализ, семантический анализ (семасиологический и ономасиологический аспекты изучения эвфемизмов), классификация и систематизация.

Для выполнения поставленных задач мы обратились к двум англосаксонским словарям – Bosworth-Toller¹ и The Old-Engli.sh Dictionary², представленный на образовательном портале Old English. Bosworth-Toller является самым большим словарем понятий древнеанглийского языка, созданным на основе собрания рукописей Дж. Босворта (первое издание 1898 г.) и приложения к нему (первое издание 1921 г.), под редакцией Джозефа Босворта и Т. Норткота Толлера. The Old-Engli.sh Dictionary был впервые опубликован в 1927 г. в качестве части научных трудов М. Л. Джонсон. С 2004 г. словарь имеет электронную версию. Данный словарь применялся при уточнении значения некоторых слов, взятых из Bosworth-Toller. Используя функцию поиска по определениям (definition) всего было найдено 200 слов, имеющих в значении слово *death*. Непосредственное упоминание смерти на морфологическом уровне присутствует в таких лексемах, как *dēad* (смерть), *dēadian* (умирать), *dēad* (мертвый), и в производных от них: *érdēap* (ранняя смерть), *férdēad* (внезапаная смерть), *dēapcwealm* (насильственная смерть), *endedēad* (смерть – конец пути), *dēapbære* (приносящий смерть), *fordēad* (мертвый), *diedan* (убивать), *steorfan* (умирать / умереть от голода). Данные лексемы являются примерами прямой номинации и не входят в выборку. В центре изучения оказывается ряд выражений концептуализированной области *смерть*, не имеющих прямого имени смерти в своем морфологическом составе.

Результаты

В рамках определения границ концептуализированной области *смерть* для древнеанглийских письменных источников мы выявили всего 45 эвфемизмов, представленных в словаре. Отметим, что некоторые лексемы находятся на пересечении нескольких микромотивов, что будет учитываться при концептуальном, семасиологическом и ономасиологическом анализе. Данные лексемы можно условно объединить в тематические группы с ведущим микромотивом.

¹ Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary online. URL: <https://bosworthtoller.com/> (accessed 10 Apr 2024).

² The Old-Engli.sh Dictionary. *Old English. The Portal to the Language of the Anglo-Saxons*. URL: <https://old-engli.sh/dictionary.php> (accessed 10 Apr 2024).

1. Смерть как путь (18): *forðfaru, forðféran, forðférednes, forðférun, forðfromung, forþ-síþ, forþ-geleoran, ge-faran, níd-faru, neó-síþ, heonan-síþ, ellor-síþ, geon-síþ, hin-síþ, hin-gang, ge-liornes, be-líðan, ellor-fús*. Общий для данной группы микромотив – путешествие вперед.

Forð может иметь два значения: *вперед* в значении *уйти вперед* либо *восток*: *On ðam ilcan geáre he forþfór* – В тот же год он ушел из жизни³. *Faru* и *síþ* обозначают сам *путь*: *Bearn hraðe gefaraþ* – Их дети скоро умрут (уйдут вперед); *Monige forþgeleordon on Drihten* – Много людей погибло за Господа. Это же значение путешествия перекликается с упомянутым ранее *níd-gedál*: так, *níd-faru* – путешествие, которое нужно совершить, неизбежный путь. Концепт умирания трансформируется и как начало нового пути: *Se sceal æfter neúsíþum wunian wítum fæst* – После смерти он должен оставить достойное приданое.

Диффузная семантика наблюдается наиболее отчетливо в лексеме *ellor-síþ* (путешествие куда-то еще): *Symble biþ gemyndgad eaforan ellorsíþ* – Смерть его потомков всегда будут помнить. Эта же неопределенность места назначения через *ellor* применяется и в прилагательном *ellor-fús* (готовый отправиться в другое место): *Óþ-ðæt gást, ellorfús, gangan sceolde to Godes dóme* – Пока дух его, готовый отправиться (к смерти), не пойдет на суд Божий; *He his hláford geseah ellorfúsne* – Он видел господина своего, готового отправиться куда-то еще (умереть). Схожа по семантике неопределенности лексема *geon-síþ* (уйти туда, в иной мир): *Æfter hyra geonsíðe hié tó hellewítum beóð gelédde* – После смерти подданные в преисподней приносят ему на стол. Существительное *gang* также переводится как *путешествие* или *тропа*: *Aer his hiniongæ* – До его смерти. Глагол *líðan* может переводиться как *лишаться чего-либо*: *Beám sceal leáfum líðan* – Дерево должно сбросить (потерять) листья. Второе значение глагола при этом, как и в предыдущих случаях, означает движение вперед, покидание места. Так, семантика неопределенности наблюдается в лексеме *be-líðan* (уйти, покинуть): *Life belidenes líc* – Жизнь покинула тело; *Ða belidenan* – Мертвые. Эта же лексема может быть связана и с глаголом *líðan* – *плыть* (по морю): *Ða ðe sá séceap mid scipe líðap* – Которые спускаются в море на кораблях; это также роднит глагол с общим микромотивом путешествия.

2. Смерть как одна из форм жизни (12): *lif-leást, gástléas, feorh-lege, ende-lif, feorh-geníþla, feorh-bealo, ealdor-gedál, sáwolgedál, gást-gedál, ealdor-leg, ealdor-gedál,*

feorhgedál. Микромотив описывает смерть как явление, основанное на концепте *жизнь*.

Существительное *lif-leást* (досл. отсутствие жизни): *On ælcum ðara daga gif man ænige áddran geopenaþ on ðara tíde ðæt hit biþ lifleást oððe langsum sár* – В каждый из этих дней, если в этот час вскрыть вену, это будет или смерть, или же долгая болезнь. Аналогичная ситуация наблюдается и с прилагательным *gástléas*: *Gefærenne man brohton on báre, gingne, gástléasne* – Они принесли на носилках мертвеца (ушедшего человека), молодого, бездыханного (без души). Упомянутая ранее лексема *feorh-lege* также трансформирует смерть в *лежание, отдых жизни*: *Hú wolde þæt geweorðan þæt on þone hálgan handa sendan tó feorhlege fæderas ússe* – Как могло случиться, что отцы наши возложили руки на святого, чтобы убить его? Любопытно, что данная лексема семантически перекликается с латинским *lectus vitalis* (ложе жизни), означающим смертный одр [Марколонго 2023]. *Feorh-lege* в других контекстах трактуется как *судьба*: *Ic on mápma hord mínne bebohte feorhlege* – Я продал свою судьбу за сокровища. Примечательно, что, согласно словарному толкованию, составная лексема *lege* при этом переводится как *закон*, иными словами, *судьба как закон жизни*. В данном случае наблюдается омонимия в эвфемистической замене: 1) *feorhlege* как *Life-laying* [cf. *lecgan*; II. to slay], *death* – *лежание жизни*; 2) *feorhlege* как *закон жизни* (*feorh-lege, es; m. [lege = leg, lagu law]*).

Существительное *ende-lif*: *Wurdon hie deáþes on wénan, ádes and endelífes* – Они ожидали смерти, погребального костра и конца жизни. Еще один пример наблюдается с существительным *feorh-bealo* – *смертельное зло, жестокое бедствие*: *Ic me ðæt feorhbealo feor aswápe* – Я сметаю с себя это смертельное зло; *Gúþdeáþ fornam, feorhbealo frécne, fyra gehwylcne leóða mínra* – Смерть в войне (хорошая смерть), жестокое бедствие забрало каждого человека из моего народа. Однако дословный перевод *feorhbealo*, несмотря на четко прослеживаемую семантику смерти в примерах, все же именно *бедствие жизни* или *зло жизни*. Аналогичная динамика переноса смертельного в семантику жизни наблюдается в случае *feorh-geníþla* – *смертельный враг*: *He brægd feorhgeníþlan, ðæt heó on flet gebeáh* – Он потащил смертельного врага (врага жизни), чтобы она склонилась на месте.

3. Смерть как разделение двух сущностей (7): *ealdor-gedál, feorhgedál, friþ-gedál, níd-gedál, sáwolgedál, gást-gedál, woruldgedál.*

³ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

Существительное *gedál* означает разделение, разрыв. Примечательно, что наряду с эвфемистическими заменами существуют лексемы, включающие в себя прямую номинацию состояний жизни и смерти: *lif-gedal* и *ðeáp-gedal* соответственно. Так, *gedál* применяется в контексте разделения имущества, например *yrfe-gedal* (*yrfe* – скот); она же означает расторжение отношений между мужчиной и женщиной, развод – *híwgedáles* (*híw* – хозяйство); *gedál* используется в описании процесса отделения слуг от умершего феодала – *þeóðengedal* (*þeóðen* – хозяин, господин). Умирание приобретает разные оттенки значения в зависимости от предшествующей разделению лексемы. Например, оценочное *friþ-gedal* (досл. мирное, спокойное разделение) от *friþ* – покой, мир. При этом *níd-gedal* определяет процесс как неизбежное, неотвратимое разделение (*níd* – нужда): *Nis nú swíðe feor ðam ýtemestan endedógor nýðgedáles* – Не далек от меня день конца. Более нейтральное отделение от жизни представлено эвфемизмом *ealdor-gedal*: *Óp his ealdorgedal* – до его смерти. В *feorhgedal* лексема *feorh* может интерпретироваться как собственно жизнь либо как душа (дух): *Siððan líc and leomu and ðes lífes gæst asundrien somwíst hyra þurh feorg-gedal* – Когда тело, конечности и дух этой жизни разрывают свое общение через смерть. Речь идет об отделении жизни либо отделении души. Последняя трактовка видится наиболее близкой к таким эвфемизмам, как *sáwolgeda* (*sáwol* – душа), *gást-gedal* (*gast* – дух). В лексеме *Woruldgedal* смерть отражена как отделение от мира.

4. **Смерть как отдых (6):** *restan*, *slépan*, *legere*, *leger-bedd*, *swebban*, *feorh-lege*.

Глагол *restan* (современный глагол *rest*) носит эвфемистический характер отдыха покойного, схожего с современным английским (*rest in peace*): *Hæfdon édelweardas ealdhettende swyrdum áswefede, hié on swaðe reston* – Пленные враги правителя, убитые (усыпленные) мечом, покоятся здесь. Обратимся далее к лексеме *legere*, характерной для данного микромотива. В своем первом значении она переводится как *лежать*, при этом уже имеется устоявшаяся семантическая связь с умиранием: *Hys spéda hý forspendaþ mid ðan langan legere ðæs deáðan mannes inne* – Они растрачивают его богатство при долгом лежании покойника в доме. В другом контексте она передает значение болезни: *On ðam sixtan dæge his legeres* – На шестой день его болезни; *Nis ðær hungor ne þurst ne sléap ne swár leger* – Нет ни голода, ни жажды, ни сна, ни мучительной болезни. Словообразовательная лексема *leger-bedd*

может относиться к буквальному процессу болезни, обусловленному физической обездвиженностью, буквально лежанием: *Sum mæden hé gehælde ðæt ðe langlice læg on legerbedde seóc* – Он исцелил девушку, которая долгое время лежала из-за болезни (постель лежания). Кроме того, *leger-bedd* обозначает и могилу покойного – постель для сна: *Ðæt ðú ðus láðlic legerbed cure* – Что выбрать ты должен ложе столь ужасное. Примечательной в данной группе, на наш взгляд, является лексема *feorh-lege* (*feorh* – жизнь, душа, дух): *Íc þanc wuldurcýninge secge þæs þe ic móste mínum leódum éer swyldæge swylc gestrynan. Nú ic on máðma hord mínne bebohte fréde feorhlege* – Благодарен я царю славы, что смог я для моего народа до дня смерти так много приобрести. Теперь я с мудростью приобрел клад сокровищ в качестве платы за свою смерть. Смерть через суффикс *-lege* здесь представляется буквально *отдыхом* жизни, умирание – *лежащий* на покой дух, покоящаяся жизнь. Глагол *swebban* первоначально означает *успокаивать*, *умиротворять* или *усыплять*. Закономерно наблюдается ассоциация с вечным сном, передающимся тем же глаголом: *Sweordum aswebban* – убить мечом (усыпить).

5. **Смерть как точка во времени и пространстве (5):** *swyld-daeg*, *ge-endung*, *ende-dógor*, *ende*, *ende-lif*. Группа эвфемизмов выражается в пространственно-временной семантике древнеанглийского языка.

Сам конец выражается в эвфемизмах *ende*, *ende-lif* и *ge-endung*: *Þurh hwelces monnes hond mín ende wære getiód* – Чью смерть я должен предотвратить от руки нападавшего; *Æfter geendunge ðæra ealdra manna* – После смерти старых людей.

Микромотив *день смерти* наблюдается в существительных *swyld-daeg* и *ende-dógor*: *Ær his swyldæge* – До дня его смерти; *Ðæt eorlwerod sæt on wénum endedógores* – Отряд воинов сидел в ожидании последнего дня; *Wæs endedógor neáh geþrunge* – Близок был последний день.

6. **Смерть как манифестация судьбы (3):** *method-(ge)sceaft*, *ealdor-leg*, *wyrd*.

В словаре приводится лексема *ealdor-leg*, означающая как судьбу в целом, т. е. буквально *закон жизни*: *Gé mé sægdon þæt gé cúdon míne aldrlege, swá mé éfre wearð oððe ic furðor findan sceolde* – Ты сказал, что знаешь ход моей жизни, что бы со мной ни случилось или что еще предстоит пережить. Эта же лексема используется и для обозначения закономерного окончания всякой судьбы: *Nelle ic létan þé éfre unrótnæ æfter ealdorlege mínre* – Если только не закончится печально моя жизнь. Существительное *metod* (*metud*)

в языческий период англосаксонской письменности предположительно также означало судьбу. В дальнейшем оно характерно лишь для поэтических текстов. Эвфемизм *metod-gesceaft* буквально переводится как наказ судьбы, рок: *Sum sceal seonobennum seōc sār cwānian, turnan meotudgesceaft* – Следует боль раны оплакать в скорби смерти. Схожий смысл имеет и *wyrd*: *Unc sceal weorðan swá unc **wyrd** geteōð Metod manna gehwæs* – Со всеми нами случится это, что Господь (господин над каждым человеком) предопределит нашу судьбу.

7. Смерть как движение вниз (2): *ge-hror*, *(ge)-cringan*.

Существительное *ge-hror* передает концепт *смерть* как деяние разрушения или падения, при этом изначальное значение прилагательного *hror* – активный, подвижный. В результате такой словообразовательной замены образуется эвфемизм: *Donne ðæt gelumpe ðæt hí of middangearde genumene wæron ðý ylcan **gehrore** ðe hí óðre gesáwon* – Когда случилось, что они будут вырваны из мира таким же истреблением, как и остальные. Глагол *cringan* (пасть, утонуть): *Stíðmód **gecrang*** – Сильный духом, он пал; *Hí sceoldon begen **crincgan** on wælstówe* – Они оба падут на поле битвы; *Fáge **crungon*** – Обреченный погиб; *Sume on wæl **crungon*** –

Некоторые пали в кровопролитии. Как мы видим, приведенные примеры характерны для описания насильственной смерти, в частности на войне.

Итак, проанализировав эвфемизмы в соответствии с тематической принадлежностью к микромотивам, определим их место в рамках концептуализированной области древнеанглийского семантического пространства. Эвфемизмы, классифицируемые в соответствии со степенью концептуализации, представлены в таблице 1.

Мы видим проявление семантики умирания в рамках различных уровней концептуализации: материальные проявления концепта (*могила, ложе*), абстрактные (*конец, судьба*) и смешанные (*путешествие, последний день, падение, смертельный враг* и пр.). При этом очевидно, что наиболее распространены эвфемизмы концептуализированной области – лексемы, имеющие в своем составе как чистые, так и материальные концепты.

Далее рассмотрим, какие принципы стоят в основе формирования эвфемистических замен для каждой из групп. Исходя из семасиологического анализа, наибольшее распространение имеют дескриптивные эвфемизмы, не имеющие в семантическом

Табл. 1. Лексемы-эвфемизмы древнеанглийского языка в спектре концептуализации

Tab. 1. Old English euphemistic lexemes in death conceptual domain

Микромотивы эвфемизмов	Чистый концепт	Концептуализированная область	Материальный концепт	Всего
Смерть как путь	ellor-fús	forðfaru, forðfēran, forðférednes, forðfērung, forðfromung, forþ-síþ, forþ-geleoran, ge-faran, níd-faru, neó-síþ, heonan-síþ, geon-síþ, hin-síþ, hin-gang, ge-liornes, be-líðan, ellor-síþ	–	18
Смерть как одна из форм жизни	–	líf-leást, gástléas, feorh-lege, ende-lif, feorh-geníþla, feorh-bealo, ealdor-gedál, sáwolvedál, gást-gedál, ealdor-leg, ealdor-gedál, feorhgedál	–	12
Смерть как разделение сущностей	–	ealdor-gedál, feorhgedál, friþ-gedál, níd-gedál, sáwolvedál, gást-gedál, woruldgedál	–	7
Смерть как отдых	–	restan, slæpan, swebban, feorh-lege	legere, leger-bedd	6
Смерть как конечная точка	ge-endung, ende	swylt-daeg, ende-dógor, ende-líf	–	5
Смерть как манифестация судьбы	wyrd	metod-(ge)sceaft, ealdor-leg	–	3
Смерть как движение вниз	–	ge-hror, (ge)-cringan	–	2
Всего	4	47	2	53

составе четко выраженной субъективной позиции говорящего (табл. 2). Результаты классификации по ономазиологической принадлежности с целью выявления способов их образования представлены в таблице 3. В выборке наиболее распространена словообразовательная замена с использованием двух лексических основ.

Обсуждение

Концепт *смерть* для древнеанглийского языка находит выражение преимущественно в концептуализированной области (на пересечении чистого и материального концептов). Значительно реже встречается вторичная номинация смерти, выраженная путем чистого или материального концепта. Наибольшее распространение в лексикографических древнеанглийских источниках имеют микромотивы *смерть как путь* (18 случаев), *смерть как одна из форм жизни* (12 случаев) и *смерть как разделение сущностей* (7 случаев).

Эвфемизмам древнеанглийского языка концептуализированной области *смерть* в целом свойственна дескриптивность с точки зрения семасиологического аспекта. Так, эвфемизмы *forðfaru*, *restan*, *woruldgedál* не обладают четко выраженной субъектностью, отношением говорящего к заменяемым понятиям. При этом встречается и ряд оценочных лексем,

где эта субъектность более выражена: *níd-faru* (оценка необходимости пути), *ellor-fús* (оценка готовности к пути), *friþ-gedál* (оценка спокойствия разделения) и т. п. Примечательно, что даже в относительно немногочисленных случаях, когда эвфемизм обладает выраженным оценочным компонентом, эта оценочность не имеет негативной окраски (за исключением *feorh-bealo*). По большей части эвфемизация умирания и смерти трансформирует отрицательную коннотацию в нейтральную или положительную.

Большинство изученных эвфемизмов представляют собой словообразовательные замены, при этом составные лексемы неоднородны с точки зрения частеречной принадлежности: существительные (*-gedal*, *-bedd*, *-síþ*), прилагательные (*neó-*, *níd-*, *-fús*), наречия (*forð-ellor-*). Эвфемизмы, выражаемые глаголами, являются либо узуальной (*swebban*, *ge-hror*, *ge-cringan*), либо концептуальной заменой (*restan*, *slæpan*). Не обнаружено случаев заимствования из других языков в исследуемый исторический этап. Предложенная нами классификация не является единственно допустимой интерпретацией системы лексем-эвфемизмов древнеанглийской письменности; мы обозначаем ее условность с точки зрения концептуального анализа, поскольку некоторые

Табл. 2. Семасиологический анализ древнеанглийских лексем-эвфемизмов

Tab. 2. Semasiological analysis of Old English euphemistic lexemes

Микромотивы эвфемизмов	Оценочные эвфемизмы	Дескриптивные эвфемизмы	Всего
Смерть как путь	níd-faru, ellor-fús	forðfaru, forðféran, forðférednes, forðférun, forðfromung, forþ-síþ, forþ-geleoran, ge-faran, neó-síþ, heonan-síþ, ellor-síþ, geon-síþ, hin-síþ, hin-gang, ge-liornes, be-liðan	18
Смерть как одна из форм жизни	feorh-bealo	líf-leást, gástléas, feorh-lege, ende-lif, feorh-genípla, ealdor-gedál, sáwolvedál, gást-gedál, ealdor-leg, ealdor-gedál, feorhgedál	12
Смерть как разделение сущностей	friþ-gedál, níd-gedál	ealdor-gedál, feorhgedál sáwolvedál, gást-gedál, woruldgedál	7
Смерть как отдых	–	restan, slæpan, legere, leger-bedd, swebban, feorh-lege	6
Смерть как конечная точка	–	swylt-daeg, ge-endung, ende-dógor, ende, ende-líf	5
Смерть как манифестация судьбы	–	metod-(ge)sceaft, ealdor-leg, wyrd	3
Смерть как движение вниз	ge-hror	(ge)-cringan	2
Всего	6	47	53

Табл. 3. Ономаσιологический анализ древнеанглийских лексем-эвфемизмов

Tab. 3. Onomasiological analysis of Old English euphemistic lexemes

Микромотивы эвфемизмов	Узуальная замена	Словообразовательная замена	Концептуальная замена (замена концептом)	Всего
Смерть как путь	–	forðfaru, forðféran, forðférednes, forðférun, forðfromung, forþ-siþ, forþ-geleoran, ge-faran, níd-faru, neó-siþ, heonan-siþ, ellor-siþ, geon-siþ, hin-siþ, hin-gang, ellor-fús	Ge-liornes, be-liðan	18
Смерть как одна из форм жизни	–	líf-leást, gástléas, feorh-lege, ende-lif, feorh-genípla, feorh-bealo, ealdor-gedál, sáwolgédál, gást-gedál, ealdor-leg, ealdor-gedál, feorhgedál	–	12
Смерть как разделение сущностей	–	ealdor-gedál, feorhgedál, friþ-gedál, níd-gedál, sáwolgédál, gást-gedál, woruldgedál	–	7
Смерть как отдых	legere, swebban	leger-bedd, feorh-lege	restan, slépan	6
Смерть как конечная точка	–	swylt-daeg, ende-dógor, ende-lif	ende, ge-endung	5
Смерть как манифестация судьбы	–	metod-(ge)sceaft, ealdor-leg	wyrd	3
Смерть как движение вниз	ge-hror, (ge)-cringan	–	–	2
Всего	4	35	7	53

эвфемизмы находятся на пересечении одновременно нескольких микромотивов. К примеру, *feorh-lege* – микромотивы *смерть как отдых* и *смерть как форма жизни*, *ende-lif* – микромотивы *смерть как форма жизни* и *смерть как точка в пространстве*.

Некоторые выявленные данные находят отражение в результатах других научных работ. Например, семантическое пересечение собственно темы смерти и болезни, выраженное в эвфемистических конструкциях *legere*, *leger-bedd*. Такая логическая последовательность обуславливается совпадающими в разных языках предметно-понятийными сферами эвфемии; единицы семантических полей называют совпадающие явления в жизни человека [Кудряшова 2015: 25]. Анализ микромотивов обнаружил схожесть с рядом концептуальных метафор: эвфемизмы микромотива *смерть как путь* – с метафорой *death is a journey*; эвфемизмы микромотива *смерть как отдых* – *death is rest / sleep*; эвфемизмы микромотива *смерть как конечная точка* – *death is the End* [Jamet 2010]. В рамках нашей выборки такого пересечения, однако, не наблюдается с концептуальной метафорой *Death is a Loss*, что может говорить об определенных различиях в данном

фрагменте семантической картины смерти древнеанглийского языка.

С точки зрения морфологии в рассматриваемых эвфемизмах практически не встречаются примеры мейозиса, одного из наиболее распространенных способов эвфемизации в современном английском языке (т. е. намеренное преуменьшение интенсивности свойств и признаков предмета или явления) [Давыдова 2023]. Ближайший же к данному тропу прием – негативная префикация (*lif-leást*, *gástléas*) – также не является достаточно распространенным. Это может быть объяснено тем фактом, что мейозис наряду с негативной префикацией характерен для манипулятивных сценариев использования эвфемизмов (хотя и не ограничивается ими), а древнеанглийские лексемы-эвфемизмы использовались в иных коммуникативных целях. В рамках нашей выборки мы наблюдаем, что для морфологии эвфемизмов свойственны в большей степени сложносоставные слова из двух основ с семантической неопределенностью (*forðfaru*, *ellor-fús*), в то время как преуменьшение свойств негативного денотата не было характерно для исследуемого периода.

Заключение

В рамках данной статьи мы обосновали необходимость уточнения и упорядочивания широкой терминологии области эвфемизации. Закономерным результатом этого уточнения является криптолалическая эвфемия как частный термин на пересечении эвфемизмов-табу и криптолалии, который с большей точностью определяет исследуемый пласт лексем. Эвфемизация концептуализированной области *смерть* в древнеанглийском языке имеет важную роль: она участвует в процессе словообразования и обогащения лексики с непрямой номинацией, выполняет познавательную (гносеологическую) функцию при помощи когнитивной метафоры, ментально преобразует реальность участника коммуникации. Концептуализация лексем-эвфемизмов в древнеанглийском языке обусловлена образованием ряда микромотивов. Микромотивы эвфемизации тесно связаны с концептуальной метафорой, которая является неотъемлемым способом обогащения лексического запаса эвфемизмов. Роль микромотивов нами видится как принцип структурирования эвфемизмов с точки зрения тематической направленности этих метафор, как индикатор степени концептуализации той или иной лексемы (на спектре от чистого до материального концепта). Исследование микромотивов в истории английского языка может предоставить более глубокое

понимание динамики эвфемии в письменных памятниках культур. Данные явления не ограничиваются интересом исключительно к письменным памятникам культуры, они несут потенциальный вклад и в изучение устных форм эвфемии.

Впервые был проведен лексикографический анализ древнеанглийских эвфемизмов как компонента концептуализированной области, а также в семасиологическом и ономасиологическом аспектах. Полученные в ходе исследования данные являются дополнением к общей семантической картине древнеанглийской письменности. Результаты исследования имеют потенциал в диахроническом изучении англосаксонской системы концептов, в работах, посвященных составлению тематических словарей. Изучение эвфемии как языкового и культурного феномена видится актуальным вектором научной деятельности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Голев Н. Д. Обценная лексика в игровом аспекте (на материале русского лингвистического фольклора). *Юрислингвистика*. 2005. № 6. С. 185–224. [Golev N. D. Obscene vocabulary in ludic aspect in Russian linguistic folklore. *Legal Linguistics*, 2005, (6): 185–224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wcmrwj>
- Давыдова М. М. Эвфемизация бедности в современной англоязычной прессе. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023. № 1. [Davydova M. M. Euphemization of poverty in the modern English language press. *International Research Journal*, 2023, (1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.90>
- Иванян Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2015. 328 с. [Ivanyan E. P. *Semantics of silence and means of its expression in the Russian language*. 2nd ed. Moscow: FLINTA, 2015, 328. (In Russ.)]
- Кудряшова А. П. Эвфемизмы в семантических полях «смерть», «болезнь», «возраст» (на материале современных русского и немецкого языков). Саратов: Саратовский социально-экономический ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015. 136 с. [Kudryashova A. P. *Euphemisms in the semantic fields "death", "illness", and "age" in modern Russian and German languages*. Saratov: Saratov Socio-Economic Institute (branch) Plekhanov Russian University of Economics, 2015, 136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wbinwn>
- Куликова Э. Г. Грамматические категории и продуцирование вторичной номинации. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 4-3. С. 113–116. [Kulikova E. G. Grammatical categories and production of secondary nomination. *Philology. Theory & Practice*, 2016, (4-3): 113–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vpnncp>
- Куликова Э. Г., Саватеева Л. В. Коммуникативная стратегия эвфемизации: когнитивная и лингвистическая сущность. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*. 2008. № 1. С. 67–73. [Kulikova E. G.,

- Savateeva L. V. Communication strategy of euphemization: Cognitive and linguistic essence. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniia i ekonomiki*, 2008, (1): 67–73. (In Russ.)]
- Куницына О. М. Семиотические основы табуирования. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2013. № 15. С. 105–112. [Kunitsyna O. M. The semiotic basis of taboo. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2013, (15): 105–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rckrqh>
- Лунина С. А. Наукометрический анализ зарубежных междисциплинарных исследований эвфемизмов. *Наука. Технологии. Инновации: XVII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 4–8 декабря 2023 г.)* Новосибирск: НГТУ, 2024. Ч. 9. С. 201–206. [Lunina S. A. Scientometric analysis of foreign interdisciplinary studies of euphemisms. *Science. Technologies. Innovations: Proc. XVII All-Russian Sci. Conf., Novosibirsk, 4–8 Dec 2023*. Novosibirsk: NSTU, 2024, pt. 9, 201–206. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eivnoz>
- Марколонго А. Гениальный язык. Девять причин полюбить греческий. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 192 с. [Marcolongo A. *The Ingenious language: Nine epic reasons to love Greek*. Moscow: Ad Marginem Press, 2023, 192. (In Russ.)]
- Миронина А. Ю. Эвфемизм как явление языка и культуры (лингвистический и лингвокультурологический анализ). *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2010. № 1-2. С. 85–89. [Mironina A. Yu. Euphemism as a phenomenon of language and culture (linguistic and linguocultural analysis). *Herald of Vyatka State University*, 2010, (1-2): 85–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvvhbz>
- Орлова О. С. Кодирование денотата в эвфемизмах и загадках на тему беременности и рождения. *Иностранные языки в высшей школе*. 2021. № 2. С. 57–67. [Orlova O. S. Denotation coding in euphemisms and riddles about pregnancy and birth. *Foreign languages in Tertiary education*, 2021, (2): 57–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmsgln>
- Орлова О. С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах. Принцип непрямого номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. М.: Ленанд, 2022. 240 с. [Orlova O. S. *Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-speaking cultures. The principle of indirect nomination. Cognitive-cultural research*. Moscow: Lenand, 2022, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ocnwwv>
- Пестова М. С., Кагилева А. О. Эвфемизмы в деловом дискурсе. *Перевод и сопоставительная лингвистика*. 2013. № 9. С. 92–95. [Pestova M. S., Kagileva A. O. Euphemism usage in business discourse. *Perevod i sopostavitel'naya lingvistika*, 2013, (9): 92–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rupodp>
- Потапова Н. М. Эвфемизмы и деловой дискурс. М.: МАКС Пресс, 2009. 133 с. [Potapova N. M. *Euphemisms and business discourse*. Moscow: MAKS Press, 2009, 133. (In Russ.)]
- Проскурин С. Г., Комкова А. С. Концептуализированные словесно-предметные области как отражение семиотического ослабления в англосаксонской лингвокультурной традиции. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 11-2. С. 144–147. [Proskurin S. G., Komkova A. S. Conceptualized word-object spheres as representation of semiotic weakening in the Anglo-Saxon linguo-cultural tradition. *Philology. Theory & Practice*, 2017, (11-2): 144–147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zmwnxt>
- Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Культурные трансферы и тексты. Новосибирск: НГТУ, 2017. 176 с. [Proskurin S. G., Proskurina A. V. *Cultural transfers and texts*. Novosibirsk: NSTU, 2017, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zsgjht>
- Проскурина А. В. Тема смерти в лексике древнеанглийского языка. *Язык. Культура. Личность*, науч. ред. И. Ю. Колесов. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 116–123. [Proskurina A. V. The concept of death in Old English lexicon. *Language. Culture. Personality*, ed. Kolesov I. Yu. Barnaul: AltSPU, 2020, 116–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kphhgt>
- Романов С. И. Лингвокультурологический аспект эвфемизмов русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2021. 18 с. [Romanov S. I. *Linguistic and cultural aspect of euphemisms of the Russian language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Tula, 2021, 18. (In Russ.)]
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2004. 992 с. [Stepanov Yu. S. *Constants: Dictionary of Russian culture*. 3rd ed. Moscow: Akad. projekt, 2004, 992. (In Russ.)]
- Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М.: Наука, 1993. 158 с. [Stepanov Yu. S., Proskurin S. G. *Constants of world culture. Alphabets and alphabetic texts during the period of dual faith*. Moscow: Nauka, 1993, 158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tsthfl>

- Уварова Е. А. Семантический механизм эвфемизации. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2010. № 2. С. 452–460. [Uvarova E. A. Semantic mechanism of euphemization. *Izvestiya of Tula State University. Humanities*, 2010, (2): 452–460. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndmext>
- Шиппи Т. Дж. Р. Р. Толкин. Автор века. Филологическое путешествие в Средиземье. СПб.: Никея, 2023. 512 с. [Shippey T. J. R. R. Tolkien: Author of the century. A philological journey into Middle-Earth. St. Petersburg: Nikeia, 2023, 512. (In Russ.)]
- Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский НИИ истории, яз. и лит., 1990. 167 с. [Yaimova N. A. Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language. Gorno-Altai: Gorno-Altai Research Institute of History, Language and Literature, 1990, 167. (In Russ.)]
- Allan K., Burridge K. *Euphemism and dysphemism: Language used as shield and weapon*. Oxford: Oxford University Press, 1991, 263.
- DeGrazia D. The definition of death. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. Zalta E. N. Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2007. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/death-definition> (accessed 14 May 2024).
- Hennesey A. *How childbirth became philosophy's last taboo*. 10 Aug 2017. URL: <https://iai.tv/articles/why-do-the-arts-put-death-before-birth-auid-867> (accessed 1 Jul 2024).
- Jamet D. Euphemisms for death: Reinventing reality through words? *Inventive Linguistics*, ed. Sorlin S. Presses Universitaires du Languedoc et de la Méditerranée, 2010, 173–188.
- Kabir A. J. *Paradise, death and doomsday in Anglo-Saxon literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 224.
- Kiklewicz A. Zrozumiec jezyk. *Sckice z filozofii jezyka, semanytki, lngiwistyki komunikacyjnej*. Lask, 2007, 454.
- Mukhtorova B. The linguistic and conceptual picture of the world. *Science and innovation*, 2023, 2(1): 461–466. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7581478>
- Thompson V. *Dying and death in later Anglo-Saxon England*. Boydell Press, 2012, 246.